

Новый рассказ Горькаго.

Въ декабрьской книгѣ „Вѣстника Европы“ напечатанъ новый рассказъ Горькаго: „Изъ впечатлѣній проходящаго“.

Рассказъ почти безъ фабулы:

„На рѣкѣ, противъ города, семеро плотниковъ спѣшно чинили ледорѣзъ, ободранный за зиму слободскими мѣщанами на топливо.“

Провозились до страстной пятницы, а тамъ ледъ вдругъ тронулся и рабочіе были отрѣзаны отъ города.

— Отрѣзало насъ отъ города,—угрюмо проговорилъ Сашокъ...

— Сиди тутъ... Ни хлѣба, ни денегъ... У людей—радость, а мы... жадностямъ служимъ; какъ собаки, все одно...

Но староста Осипъ всѣхъ выручаетъ.

Одинъ изъ рабочихъ Мордвинъ на вопросъ рассказчика (рассказъ ведется отъ лица пятнадцатилѣтняго надсмотрщика—дальняго родственника подрядчика) такъ говоритъ про Осипа:

— Михайло, который померъ, рѣзкій былъ мужикъ, умный. такъ онъ разъ лаялся съ нимъ, съ Осипомъ-то, да и говоритъ: „Али—говорить—ты человекъ? Работникъ въ тебѣ подохъ, а хозяинъ—не родился, такъ—говорить—ты и будешь всю жизнь болтаться на углу, какъ забытый отвѣсъ на ниткѣ“ ... Вотъ это, поди-ка вѣрно про него...

И еще подумавъ, Мордвинъ, безпокойно договорилъ:

— А такъ онъ ничего, добрый человекъ... ничего!

Осипъ старается объ артели, рассказами отвлекаетъ рабочихъ отъ слишкомъ напряженной работы, прикрываетъ мелкое воровство матеріаловъ, низкопоклонничаетъ передъ подрядчикомъ, выклянчивая артели „на чай.“ Рабочіе его мало уважаютъ, но въ критическую минуту идутъ за нимъ на смертельную опасность.

„Осипъ точно, вдругъ проснувшись, всталъ на ноги, снялъ шапку и, перекрестясь на городъ, сказалъ очень просто, спокойно и властно:

— Нуко-съ, ребята, айда тихо, съ Богомъ...

— Въ городъ?—воскликнулъ Сашокъ, вскакивая.

— А куда кромѣ?

Скидай, не двигаясь, увѣренно заявилъ:

— Потонемъ!

— Тогда оставайся.

И, оглянувъ всѣхъ, Осипъ крикнулъ:

— Ну, шевелись, живо!

Всѣ поднялись, сбились въ кучу; Боевъ, поправляя инструментъ въ пещерѣ, занылъ:

— Сказано иди, стало быть—надо идти! Къмъ приказано—того и отвѣтъ... а какъ?

Осипъ словно помолодѣлъ, окрѣпъ: хитровато-ласковое выраженіе его розоваго лица слиняло, глаза потемнѣли, глядя строго, дѣловито, лѣнивая развалистая походка также исчезла—онъ шагаль твердо, увѣренно“.

Проваливались, тонули, но въ концѣ-концовъ, ежеминутно рискуя жизнью, перебрались на тотъ берегъ.

Явилась полиція.

„Мѣщане, завидя полицію, раздвинулись шире, выжидающе примолкли, а ожолоточный, сухонькій человекъ съ маленькимъ лицомъ и рыжими усами въ стрѣлку, подошелъ вплотъ къ намъ, строго говоря сиповатымъ, дѣланымъ баскомъ:

— Это вы, дьяволы...

Осипъ опрокинулся спиною на зашею и торпливо заговорилъ:

— Это я, ваше благородіе, я всему затѣйщикъ! Простите, праздниковъ великихъ ради, ваше благородіе...

— Какъ ты, с. с.,—закричалъ ожолоточный, но крикъ его пропалъ, потонулъ въ быстромъ потокѣ умильныхъ, ласковыхъ словъ.

— Квартира у насъ здѣсь, въ городу, на томъ берегу ничего нѣтъ, и денегъ нѣтъ у насъ на хлѣбъ, а послѣ завтра, ваше благородіе, великъ Христовъ день,—въ баньку надо, на церковную службу хочется, какъ мы христіане, ну я и говорю: айда-те ребята, что Богъ дастъ, не по худому дѣлу пойдемъ. И за продерзость наказанъ я, вотъ—ноженьку разбилъ вовсе...

— Да!—сурово крикнулъ околотошный.—Ну, а если бь вы утопили,—что тогда было-бы?

Оси пь глубоко и устало передохнулъ.

— Что было бы, ваше благородіе? Ничего бы, ча ть, не было, извините...

Полицейскій сталъ ругаться; все слушали его, внимательно, точно человекъ не матерей оскорблялъ, грязно, цинично, а говорилъ важныя слова, которыя всеьмъ необходимо знать и помнить.

Потомъ, переписавъ наши имена, онъ ушелъ. Мы распивъ жгучую водку, согрѣтые и приободренные, стали собираться домой. Оси пь, усмѣхаясь, поглядѣлъ вслѣдъ полиціи и вдругъ, легко поднявшись на ноги, истово перекрестился.

— Вотъ и конецъ всему, слава тебѣ Господи!

— Стало-быть,—изумленно и разочарованно загнусявилъ Боевъ,—стало быть нога-то цѣла? Не сломалъ, значитъ?

— А, тебѣ надо, чтобъ сломалъ?

— Ахъ... комедіантъ! Петрушка ты несчастный...

У Осина есть свое мировоззрѣніе:

— Надо быть хорошимъ человекомъ,—сказалъ я однажды.

— А конечно!—согласился онъ, но тотчасъ же, усмѣхнувшись, спряталъ глаза, тихонько говоря:

— Однако, какъ понимать хорошаго человека? Я такъ думаю, что людямъ-то наплевать на хорошесть, на праведность твою, ежели она не къ добру имъ; нѣтъ, ты окажи имъ вниманіе, ты всякому сердцу въ ласку будь, побалуй людей, потѣшь... можетъ когда-нибудь и тебѣ это хорошо обернется! Конечно—спорить нѣту—очень пріятное дѣло, будучи хорошимъ-то человекомъ на свою харю въ зеркало глядѣть... Ну, а людямъ, я вижу все едино какъ: жуликъ ты, али святой—только до нихъ будь сердечный, до нихъ доброе будь... Вотъ оно, что всеьмъ надо...

Приведа эту выдержку изъ горьковскаго разсказа, „Совр. Слово“ даетъ о немъ очень хорошій отзывъ.

Въ этомъ разсказѣ почти безъ фабулы, такомъ простомъ и непритязательномъ, какъ всегда у Горькаго, есть опредѣленная мысль, но есть и нѣчто, что важнѣе, дороже фабулы, занимательности и опредѣленной мысли.

Въ разсказѣ есть жизнь, есть волшебное претвореніе обыденнаго въ художество, въ искусство. И дорогъ этотъ разсказъ особенно тѣмъ, что онъ свидѣтельствуетъ о живемъ, неоскудѣвающимъ талантѣ.

Живъ чудесный писатель, свѣжо его дарованіе, и тотъ холодъ, то равнодушіе, которыми встрѣчаютъ его теперь, есть лишь мечь не за грѣхи писателя, а за грѣхи читателя.

Неуравновѣшенность русская вознесла писателя непомерно, выше облака ходячаго, а затѣмъ въ отрицаніи вновь потеряла мѣру.

И не замѣчаетъ мятущаяся масса читательская, что те, на что она такъ жадно набрасывается теперь у моднаго и столь мелодраматическаго Джека Лондона, она давно имѣетъ у Горькаго, но имѣетъ въ художествѣ болѣе тонкомъ, болѣе глубокомъ и правдивомъ, болѣе согласномъ съ великими завѣтами литературы русской.